

ВЕДЬМАК

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

КОГТИ И КЛЫКИ
СКАЗАНИЯ ИЗ МИРА ВЕДЬМАКА

Перевод Кирилла Плешкова

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

C19

Andrzej Sapkowski
WIEDZMIN. SZPONY I KLY

Публикуется с разрешения агентства *NOWA Publishers (Польша)*
при содействии *Агентства Александра Корженевского (Россия)*

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплет *Дарьи Кравцовой (suzzuii)*
Дизайн переплета *Василия Половцева*

Сапковский, Анджей.

C19 Ведьмак. Когти и клыки / Анджей Сапковский; [перевод с польского Кирилла Плешкова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Легендарные фантастические сериалы).

ISBN 978-5-17-190944-4

О легендарном ведьмаке Геральте из Ривии ходит немало историй. Сага о нем обросла большим количеством книг, комиксов и экранизаций.

Но приключения Белого Волка на этом вовсе не закончены.

В этом издании собраны рассказы талантливых польских писателей, прошедшие строгий отбор авторитетной комиссией во главе с самим Анджеем Сапковским. Теперь читатель сможет узнать, действительно ли жар-птица — это миф?

Чем закончилась совместная охота Трисс Меригольд и Ламберта на химеру? Каков мэтр Лютик в роли призрака? И многое другое.

Говорите, Геральту пора на покой? Позвольте! Ведь легенды не умирают!

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Copyright © for this selection by Niezależna
Oficyna Wydawnicza NOWA sp. z o.o., Warszawa
2017

© Плешков К., перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

ISBN 978-5-17-190944-4

Ну да. Тридцать лет прошло.

Ведьмак, готовый наняться за три тысячи орен. Когда он появился в Вызиме в корчме «У Лиса», то уже был немолод: побелевшие волосы, шрам на лице и характерная мерзкая ухмылка. Он начал с высокой ноты: сперва трое негодяев, затем упырица и прочие чудища, люди и нелюди, недостойные жить в данном нам мире. А потом Белый Волк пошел своим путем — я бы сказал, тернистым, но что ж, каждый учится на своих ошибках.

Издаেকে мне многозначительно подмигивает Голливуд, но пока порадуемся тому, что выловили из ведьмачьего конкурса журнал «Новая Фантастика» и издательство «СуперНОВА»: одиннадцати рассказам, вдохновленным судьбой Геральта, а также его друзей и подруг. Я читал их внимательно, в текст не вмешиваясь.

Среди участников конкурса по случаю «тридцатника» ведьмака есть люди весьма талантливые. Скоро они создадут собственные миры или изменят существующие. Не будем терять их из виду!

Анджей Сапковский

Марцин Звешховский

ПРЕДИСЛОВИЕ. НАСЛЕДИЕ БЕЛОГО ВОЛКА¹

Некоторое время назад я в интервью задал Анджею Сапковскому вопрос, и тот ответил так: «Есть только один оригинальный ведьмак, а именно мой. И никто у меня его не отберет». И он был, естественно, прав: что бы ни случилось, Геральт останется его творением, неразрывно связанным с печатавшимися еще в «Фантастике» рассказами, собранными позднее в «Мече предназначения» и «Последнем желании», и пятью романами, именуемыми «Сагой о ведьмаке». Недавно несколько неожиданно нам явился еще «Сезон гроз». Используя терминологию, описывающую миры «Звездных войн», можно сказать: канон на этом пока что закрывается.

Белый Волк, однако, уже немолод: ему больше тридцати, если считать с момента публикации рассказа «Ведьмак» в «Фантастике» № 12 1986 года, и за свою полную приключений жизнь он дождался, может, не столько детей, сколько... отдаленной родни. Помимо Геральта из Ривии, мы знаем также Геральта из Комикса, Геральта из Компьютерной Игры, Геральта из Фильма, о котором Не Будем Вспоминать, Геральта из Американского Комикса, даже Геральта из Большого Киева и еще нескольких Геральтов из-за восточных границ. В этом

¹ DZIĘDZICTWO BIAŁEGO WILKA. Przedmowa copyright © by Marcin Zwierzchowski, Warszawa 2017.

году мы дождались Геральта из Мюзикла и с нетерпением ждем нового Геральта из Сериала, чьим отцом на сей раз стал Багиньский¹, а матерью — «Нетфликс»².

А в этой книге вы найдете Геральтов, Лютиков, Ламбертов, Койонов и Йеннифэр из Антологии.

Каждый из них, хоть они и не дети Анджея Сапковского, был — как бы это ни звучало — зачат с мыслью о нем. Животворящей искрой стало вдохновение от того, что авторы и авторки из разных поколений нашли и продолжают находить в историях о ведьмаке.

В современном мире вдохновение служит мерой величия произведения поп-культуры. Взгляните на Супермена, Микки-Мауса, Хеллбоя, Кинг-Конга или Дракулу — каждая из этих культовых фигур имеет своего создателя, каждая из них ожила много лет назад в уже ставшем классическом произведении. И каждый из этих героев до сих пор не забыт во многом потому, что был настолько ярким, что рассказ о нем увлек других, перерос оригинал и обрел новую жизнь в очередных воплощениях.

Вошли в моду так называемые вселенные — ибо поп-культура сегодня включает в себя множество разных медиа, причем все они постоянно требуют хороших историй и героев, чьи судьбы будут искренне волновать потребителей. Именно поэтому Гарри Поттер, хотя и вырос из книг, уже превосходит оригинал Роулинг. У Бэтмена же было столько воплощений, что трудно сосчитать, — сегодня, спустя почти восемьдесят лет после дебюта на страницах комикса, Темный Рыцарь по-

¹ Томаш Багиньский — польский режиссер и продюсер, исполнительный продюсер сериала «Ведьмак» от Netflix. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

² Оригинальный текст написан в 2017 году.

прежнему вдохновляет и возвращается во все новых историях, воистину бессмертный благодаря их силе.

Что же касается Геральта из Ривии, то он — единственный «поляк», ставший таким же популярным персонажем поп-культуры.

Так что все эти очередные реинкарнации Белого Волка — свидетельство его величия. И таким же свидетельством является и эта антология. Достаточно заметить, насколько различаются собранные в ней тексты, насколько по-разному авторы использовали сюжеты Анджея Сапковского; может показаться удивительным, что, к примеру, источником вдохновения для «Баллады о Цветочке» и «Клыков и когтей» послужило одно и то же произведение. И это доказывает богатство мира, разнообразность героев и героинь «Саги...» — фигур настолько интересных, что кому-то хочется и дальше рассказывать о них новые истории.

Ибо наиболее удивительным в связи с организованным «Новой Фантастикой» конкурсом рассказов, из которого возникла данная антология, стал факт, что сам Геральт отнюдь не блистал, а участники конкурса использовали совершенно иные элементы мира Анджея Сапковского, дописывая самые разные сюжеты. Помню, как, читая очередной текст, прямо-таки ждал Белого Волка, боясь, что описаны будут все, только не он, что, возможно, авторы испугались этого персонажа-икона и предусмотрительно предпочли поискать другие пути.

Ясное дело, что Геральта я дождался. И именно история очередного приключения его и Лютика, «Конец чудесам» Петра Едлиньского, выиграла конкурс «НФ».

При этом вердикт, хоть и единогласный, дался нам непросто. Потому что конкурс показал еще и то, что, стоя на плечах Сапковского, многие авторы и авторки

могут претендовать на признание. Я долго размышлял, почему этот конкурс был столь удачным, почему в финал мы выбрали почти тридцать рассказов, каким чудом без проблем заполнили эту антологию одиннадцатью из них, — ведь должно было быть хуже, уровень должен был быть ниже, нам следовало радоваться хотя бы нескольким позициям, достойным печати. Но столько? Невообразимо.

И тем не менее.

Разные творцы пошли разными путями. Яцек Врубель в «Клыках и когтях» показал известную нам историю с иной точки зрения. Барбара Шельонг в «Без взаимности», почти как эхо, повторила прекрасное «Немного жертвенности», а в «Конце чудесам» уже упомянутый Едлиньский столь удачно воспроизвел дух оригинала, что на мгновение могло показаться, будто мы читаем нечто новое от самого Сапковского. Вместе с тем, однако, были и тексты, которые лишь отталкивались от оригинального «Ведьмака», трактуя героев или описанные в «Саге...» и рассказах истории как отправные пункты для совершенно новой сущности. Тут вновь сошлюсь на безмерно оригинальную и смелую «Балладу...», добавлю еще «Урок одиночества» Гуля — высказывание в духе Сапковского, в остальном, однако, от него далекое, — а также «Иронию судьбы» Собеслава Коляновского и «Девушку, которая никогда не плакала» Анджея В. Савицкого, который, будучи хорошо известным членам жюри по другим публикациям, перехитрил нас, выступив под женским псевдонимом. Двое последних горстями черпали из бестиария, но в основном, однако, помимо этого, Сапковскому не следовали.

Если же искать во всех этих рассказах нечто общее, таковым будет их глубокий гуманизм. Независимо от того, повествуют ли они о ведьмаках, эльфах, манти-

корах, леших или кракенах, это прежде всего сюжеты о людях, о чувствах в той или иной степени приземленных — и всему этому в фэнтези мы научились у Анджея Сапковского. Именно он показал нам, что силой истории является не дракон или охотник на чудовищ, но истина, которая делает ее универсальной. Наиболее явно это наследие видно в трогательном «Размере долга», а также горьком «Без взаимности», как и в «Иронии судьбы», — уберите чудовищ, рыцарей, королей, и останется то, что обращается к каждому из нас.

Не стану утверждать, что кому-то из авторов или авторов, чьи рассказы вы найдете в этой антологии, удалось сравняться по силе с оригинальными историями Анджея Сапковского. Подобная задача была бы невозможной, что я в полной мере осознавал, подавая в редакции «Новой Фантастики» идею подобного конкурса, — как редактор отдела иностранной прозы, я прочитал тысячи рассказов авторства таких выдающихся мастеров, как Стивен Кинг, Джордж Р.Р. Мартин, Джо Холдеман, Нил Гейман, Филип К. Дик или Урсула К. Ле Гуин, и уже отобрал для публикации почти триста из них — и по пальцам одной руки мог бы посчитать те, которые решил бы поставить рядом с таким шедевром короткой формы, как «Немного жертвенности».

Ибо ведьмак есть только один. Его создатель — Анджей Сапковский. Мы же хотим не заменить его, но отдать ему дань уважения. И лучше всего это делать своим творчеством.

Петр Едлиньский

КОНЕЦ ЧУДЕСАМ¹

I

Ведьмак остановил лошадь и наклонился в седле. Перед ним простирался пейзаж зеленой долины Чудовенки. Однако Геральт не столько наслаждался видом, сколько прислушивался.

— Странно, — наконец проговорил он.

Ибо действительно было странно: даже несмотря на обостренные ведьмачьи чувства, он уже два дня не слышал птиц.

В долине наступила настоящая весна. Лес и извивавшийся по нему тракт были полны жизни. Ржали кони, жужжали насекомые, кричали, шумели и пели направлявшиеся в Чудовенку люди, и только птицы упрямо молчали.

— Странно, — повторил Геральт полчасика спустя, остановившись на привал на маленькой полянке. Сидя на поваленном стволе, он наблюдал поистине диковинное зрелище.

Вокруг, среди зарослей сочной зеленой травы, прыгали три птицы с темно-бурым оперением. Казалось бы, ничего необычного — но это были вовсе не птицы из числа нелетающих, а стайка канюков. Геральт знал, что до-

¹ KRES CUDOW copyright © by Piotr Jedliński, Warszawa 2017.

лина эта лежала на обочине обочины и за семью межами, но в подобной глухомани скорее можно было ожидать пресловутых людей с песьими головами, чем притворяющегося фазаном хищника. Ведьмак какое-то время с любопытством следил за ними. Медальон не дрожал, не давал знать, что тут какая-то магия. Да и вообще виной подобному поведению птиц был скорее страх, нежели некое заклятие. Чего они боялись и почему эта боязнь не распространялась на других животных — Геральт понятия не имел.

И третья странность: проезжая дальше сквозь чащу и приближаясь к деревне в сердце долины, Геральт наткнулся на оживший кустарник.

Росший у самой дороги солидных размеров куст затрясся, закашлял, выругался, замурлыкал какой-то мотивчик, и из зарослей на тракт вышел мужчина. Из надетой набекрень сливовой шапочки торчало перо цапли, у синего камзола не доставало одного рукава с буфами.

На этот раз ведьмак даже не счел это странным стечением обстоятельств. Мир, как он убеждался много лет, порой бывал воистину мал.

— Геральт! — воскликнул потрепанный мужчина, стряхивая листья. — Я так и думал, что тебя тоже искусит ярмарка чудес!

— Привет, Лютик. Я так и думал, что еще до начала самой ярмарки ты уже успеешь попасть кому-то под горячую руку.

— Э, да что там... — Поэт махнул голой рукой. — До самой Чудовенки я не успел добраться, задержался в соседней деревушке. А местные... ну, как обычно. Жуткие дикари: в поэзии не разбираются, хороших манер тем более не знают.

— Стоит ли спрашивать дальше?

— Ты о чем, Геральт? Никакого распутства я не учинил, ибо попросту не успел. В общем, понимаешь, я тут на русалок охотился...

— Русалок? Насколько я помню, тут, хоть и есть река, никогда русалок не было...

— Эх, Геральт, вечно ты брюзжишь. Назови девку русалкой, и никакой уже реки не надо! Хуже, что тут в семьях детей как заразы и на одну девицу приходится трое братьев. И у всех страшно кулаки чешутся. Меня застигли, случилась драка...

— Ну да, конечно. В драке ты бы оторванным рукавом не отделался.

— Ладно, будь по-твоему. Случилась потасовка. Я сбежал.

— И каким же чудом, можно поинтересоваться?

— Быстро. Со всех ног, не оглядываясь. Опыт у меня имеется.

В этом Геральт не сомневался. В Северных Королевствах было общеизвестной истиной, что девять из десяти бродячих поэтов — неудачники и бездари, рассчитывающие лишь на аплодисменты женской половины публики. Лютик принадлежал к подлинно талантливому меньшинству, что только помогало ему в соблазнении дам. А это, в свою очередь, требовало немалого умения вовремя молниеносно исчезать.

— Ну, Геральт! Чего так смотришь? Пусти к себе на лошадь...

— Если хочешь вернуться в те края, то на охрану не рассчитывай.

— Я же вовсе не требую, чтобы ты бил морды деревенским хамам. Хватит и косого взгляда или обычной твоей ухмылки, чтобы у них тут же в портках потяжелело. Могу я тебя просить хотя бы о небольшом одолжении?

Геральт вздохнул, и поэт, оскалившись, воспринял его вздох как капитуляцию, каковой тот, по сути, и являлся.

— Значит, и ты направляешься в Чудовенку, на рынок. Покупаешь, Геральт? Или продаешь?

— Мне нечего продавать.

— Как же, а твои услуги? Туда всегда валит толпа тех, кому житья не дают всевозможные проклятия, заговоры и всяческие чудовища. Ведьмак там точно пригодится.

— Полагаешь, меня примут за очередного чудака? А себя видел?

— Что-то ты сегодня жутко не в духе, — обиженно буркнул Лютик, но тут же вернулся к безнадежным попыткам разгладить одежду. Это на какое-то время заставило его замолчать.

Они ехали по извилистой тропе через подлесок, сквозь завесу нагретого воздуха и густую смесь лесных ароматов, и в наступившей внезапно тишине Геральт вновь ощутил укол беспокойства.

— Не в духе, — повторил поэт. — У меня есть от этого средство. Представь себе, до Чудовенки я добрался вместе с компанией краснолюдов. Кое-что подслушал, подхватил несколько удачных фраз, а пока сидел в кустах, спасаясь от тех злобных дикарей, творчески их переработал. И теперь у меня почти готов куплет...

— Слышишь?

— Что? Ничего не слышу.

— Именно.

— Не пугай меня, Геральт! Ты что-то почуял?

— У тебя музыкальный слух. Ты в этих краях со вчерашнего дня. И не заметил ничего необычного?

— Мы в долине Чудовенки, тут полно чудо-венков...

— Нет-нет. Послушай. Сейчас.

Лютик покачал головой, поморщился, пожал плечами, но все же застиг Геральта врасплох, небрежно бросив:

— Ты про птиц? Ха, обижаешь, ведьмак. Сей феномен привлек мое внимание сразу же, как только я вместе с краснолюдьми спустился с холмов и углубился в лес.

— И?

— И что?

— Никого больше это не удивляло?

— Может, и удивляло. Но мое время, которое, смею утверждать, весьма ценно, занимали иные дела.

— А птичье молчание — неподходящая тема для баллады?

— Легко узнать невежду! Тебе, Геральт, никогда не объять поэзию своим циничным умишком. Баллады, видишь ли, пишутся не о необычном, но о банальном. Искусство состоит в том, чтобы сделать его небанальным. Превратить тривиальное в экзотическое, уродливое в прекрасное, ложь в истину...

— А ты прав.

— Это как раз не мои слова. Я цитировал.

— Ты прав в том, что мне никогда этой твоей поэзии не понять.

II

Деревню они почуяли раньше, чем увидели.

— Чтoб им всем провалиться, новоприбывшим и чужеземцам. Ты только понюхай! — простонал Лютик. — Воняет, будто тут две дивизии на постой расположились!

Бард не особо преувеличивал. Влажный лес дохнул на них волной сбивающего с ног смрада, особенно мучительного в тяжелом парном воздухе.

Большую часть года здесь было захолустье, однако на время ярмарки оно превращалось в цель всевозможных паломничеств и странствий — воистину космополитичное место, встречавшее каждого с распростертыми объятиями. Тем не менее собравшимся в окрестностях толпам приходилось удовлетворять физиологические потребности, и граничивший с деревней участок леса всеобщими усилиями превратился в одно большое отхожее место. Хотя Геральту случалось сражаться с риггерами и барахтаться в сточных канавах, а мимику свою ведьмак контролировал превосходно, даже он не сумел удержаться от гримасы. Лютик же отыскал где-то в закоулках своего скромного имущества надушенный платок, которым по-разбойничьи обмотал пол-лица. Так они въехали в Чудовенку.

Когда-то это было одно из селений на пограничье мира и дикой местности. Для жителей деревня тогда не имела имени, другие называли ее полнейшей глухоманью, формальное же название, в соответствии с записями в книгах феодальных властителей, было немногим лучше: Верхнее Миногово. Название Чудовенка деревня получила десять лет назад, когда в ней состоялась первая ярмарка чудес.

А произошло это волею судьбы: ей было угодно, чтобы на этих восточных рубежах Севера, на краю Лирии, одновременно оказались четыре изгнанных из нее компании с сомнительной репутацией. Первую представляли бродячие фокусники и циркачи вместе со всем своим диковинным зверинцем, включая бородатых женщин, двухголового карлика и даже гибридов-зверолюдов. Ко второй относились изгои из Капитула, неудачники

и отщепенцы из числа магов. Третьими были искатели сокровищ и артефактов, банда самозванных археологов, грабителей подземелий, которым повезло найти некоторое количество действительно пригодных к употреблению предметов.

Последними из тех, кто сыграл ключевую роль в зарождении ежегодного ярмарочного празднества, стали двое братьев из когда-то уважаемой купеческой семьи. Пронюхав, что тут можно заработать, они предоставили капитал и позаботились о широкой огласке, сперва удостоверившись, что до долины не дошли принятые везде моральные нормы и правила. Маги из Капитула сами устанавливали для себя законы, как и богобоязненные жрецы многих религий. Оказалось, однако, что на первую, еще не слишком оживленную, ярмарку не заглянул никто из магов или жрецов. На последующие, уже более крупные, — официально тоже никто, хотя распознать их среди прибывших было не так уж сложно. Чародеи и жрецы имели хороший нюх на возможную прибыль и, обнаружив таковую, инвестировали, высматривали возможности, продавали и покупали, знакомясь с местным черным рынком. Дела крутились, а Чудовенка процветала.

Деревня располагалась у озера, издали маня путников бесчисленными красками и приветствуя гостей гулом и шумом, не считая доносившейся из полосы кустарника вони. На заросшем тростником берегу разбивали лагеря приезжие, уже всюю шли гуляния — видно было, что многие явились заранее и времени зря не теряли.

По другую сторону озера возвышалась отвесная скальная стена высотой в добрую сотню стоп. На ее вершине стоял разрушенный замок, едва видимый с такого расстояния, к тому же замаскированный опутавшей